

**Методические указания
по спецкурсу
«Диалогика текста»**

Саранск
Издательство Мордовского университета
2005

Составитель: К.Б. Свойкин

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Ю.М. Трофимова

Методические указания по спецкурсу «Диалогика текста» / сост. К.Б. Свойкин.- Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2005 -

Настоящие материалы содержат тематику, общую характеристику и материалы по спецкурсу «Диалогика текста» и призваны ориентировать студентов при его изучении

Предназначены для студентов III курса факультета иностранных языков.

Печатается по решению научно-методического совета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

Содержание

Предмет и задачи курса	4
Структура курса:	4
Вводная лекция: Диалогика текста, предмет и задачи курса	6
Лекция 1: Коммуникативная деятельность в системе общей теории деятельности	8
Лекция 2: Модель процессов восприятия высказывания.....	11
2.1 Диалогически релевантные свойства процессов восприятия высказывания.....	15
Выводы.....	17
Лекция 3: Модель процессов порождения высказывания	18
3.1 Процессы порождения высказывания с точки зрения современной лингвистической науки.....	18
Выводы.....	23
Лекция 4: Текст как материальная актуализация смысловых структур.....	23
4.1 Основные свойства текста как знаковой структуры	25
4.2 Текст как категория речевой деятельности.....	27
4.3 Компилятивный подход к основным моделям текста.....	30
4.4 Диалогически релевантные характеристики текста	31
Выводы.....	33
Лекция 5: Система общих и концептуальных знаний коммуникантов и их реализация в коммуникативных процессах.....	33
5.1 Система знаний в понимании современных школ когнитивной лингвистики	34
5.2 Системы общих и концептуальных знаний в языковой и коммуникативной деятельности.....	36
Выводы.....	37
Лекция 6: Интертекстуальность в диалогике текста	38
Тематика курсовых и дипломных работ.....	41
Литература по курсу	42

Предмет и задачи курса

Данный спецкурс рассматривается как первичный и подготовительный в системе спецкурсов «Диалогика текста» - «Диалогика научного текста».

Актуальность этого комплекса спецкурсов напрямую связана с современным положением дел в лингвистике и филологии в целом, со сдвигом дисциплинарных исследований в сторону изучения текста в рамках его социально-когнитивных функций в общем диалогическом поле культуры и шире — многих культур. При этом возникает необходимость многоаспектного анализа коммуникативных событий как в аспектах их знаковой актуализации, так и в иерархии их прагматических и когнитивных свойств.

Очевидно, что для успешного освоения моделей, содержащих большое число параметров, необходимо сформировать и освоить разветвленные понятийные ряды, включающие принципиальные характеристики и факторы, влияющие как на успешность самой коммуникации, так и на глубину знакомства студентов с основными моделями и процессами в этой коммуникации.

Структура курса

Вводная лекция: Диалогика текста, предмет и задачи курса

Лекция 1: Коммуникативная деятельность в свете взглядов современной науки на общую теорию деятельности

Темы семинарских занятий:

- Виды деятельности
- Алгоритм деятельности
- Специфика коммуникативной деятельности
- Социальные мотивы
- Речевые мотивы

Лекция 2: Модель процессов восприятия высказывания. Диалогически релевантные свойства процессов восприятия высказывания

Темы семинарских занятий:

- Восприятие как психофизический механизм
- Алгоритм понимания текста
- Понимание как вид когнитивной деятельности
- Герменевтика

Лекция 3: Модель процессов порождения высказывания. Процессы порождения высказывания с точки зрения современной лингвистической науки

Темы семинарских занятий:

- Порождение высказывания как психофизический механизм
- Алгоритм порождения текста
- Мотивационно-прагматическая сторона порождения речи
- Понятие наадресата

Лекция 4: Текст как материальная актуализация смысловых структур. Основные свойства текста как знаковой структуры. Текст как категория речевой деятельности. Компилятивный подход к основным моделям текста. Диалогически релевантные характеристики текста

Темы семинарских занятий:

- Понятие речевого акта
- Типы дискурса
- Понятие жанра и стиля
- Категории текста
- Понятие контекста

Лекция 5: Система общих и концептуальных знаний коммуникантов и их реализация в коммуникативных процессах. Система знаний в понимании современных школ когнитивной лингвистики. Системы общих и концептуальных знаний в языковой и коммуникативной деятельности

Темы семинарских занятий:

- Субъективная картина мира
- Формы и виды представления субъективной картины мира
- Понятие фрейма
- Понятие концепта
- Понятие тезауруса

Лекция 6: Интертекстуальность в диалогике текста

Темы семинарских занятий:

- Понятие интертекстуального взаимодействия текстов
- Виды интертекстуального взаимодействия текстов
- Формы интертекстуальности

Вводная лекция: Диалогика текста, предмет и задачи курса

Термин «dialogics» в английском языке был введен Д. Бялостоски [Bialostosky 1986, 791-793]. Бялостоски под «диалогикой» имеет ввиду «искусство дискурса в литературоведении» (dialogics as an art of discourse in literary criticism).

В данной случае мы расширяем понятие «диалогика» и обозначаем ее как совокупность высказываний, находящихся в одном бесконечном смысловом поле, или одной сфере деятельности, которая может иметь трехвекторный или триадный характер: исходный текст — возможное возвращение назад к предшествующему тексту (текстам) и предвосхищение возможных будущих текстов. Диалогика текста принципиально должна рассматриваться в широком диапазоне и образовывать сложные системы, что является непременным условием понимания текстов, находящихся в отношении зависимости друг от друга. По мнению Н. Жинкина, в «тексте не только содержится то, что сказано в данный момент, но и должно учитываться то, что было сказано раньше, и предполагается то, о чем следует сказать в дальнейшем. Эта операция не применима к отдельно взятому предложению, а ведет к раскрытию текста вперед и назад до бесконечности» [Жинкин 1982, 94].

Фактически о диалогике текста говорит Г. Колшанский: «Коммуникация есть динамическая цепь общения, теоретически бесконечный процесс, и в этом смысле любая фраза в конкретной ситуации предполагает наличие предшествующих высказываний [Колшанский 1984, 76]. И далее: «В таком же смысле, в каком каждый текст является результатом всех предшествующих актов коммуникации, а шире — всей речевой деятельности коммуникантов, в таком же смысле он является и звеном будущей цепи коммуникативных актов, так сказать возможных посттекстов [там же, 114].

Правила диалогического речевого поведения для продуцента и для реципиента можно сравнить как две противоположные программы, которые продолжают друг друга как целое, а не по отдельным операциям. Ни одна отдельная операция в программе для продуцента не отвечает абсолютно какой-либо отдельной операции в программе для реципиента. Но обе программы в целом построены так, что программа одного релевантна программе другого. Таким образом, реализуется правило: действия адресата предопределяют действия адресанта.

Человеческая деятельность основывается на использовании языка, которое осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой деятельности не только своим содержанием, но и языковым стилем и композиционным построением. Изучение природы высказывания и разнообразия речевых жанровых форм высказываний в разных сферах человеческой деятельности имеет огромное значение для всех областей лингвистики и филологии. М.М. Бахтин объясняет это тем, что всякая исследовательская работа с конкретным языковым материалом неизбежно

имеет дело с конкретными высказываниями (письменными и устными), относящимися к общим сферам человеческой деятельности и общения, откуда исследователи и черпают нужные им языковые факты.

Это положение указывает на то, что «все тексты (то есть высказывания) не живут изолированно друг от друга, а сосуществуют, являясь двигателями науки и научной мысли, так как, с одной стороны, они хранят и обобщают опыт предыдущих поколений, а с другой — дают пищу умам будущего» [Бахтин 1979]. Отчетливое представление о природе высказывания вообще и об особенностях различных типов высказываний, то есть различных речевых жанров, необходимо при любом специальном направлении комплексного исследования. Комплексность этого подхода должна базироваться на многогранности и многофункциональности высказывания, сочетающего в себе черты различных материальных и идеальных сущностей и процессов. Причем, эта совокупность черт не есть явление количественное, требующее простого номенклатурного перечисления свойств, рассматриваемых с разных позиций, но является сложной, саморегулирующейся диалогической системой, состоящей из взаимосвязанных структур и структурных элементов, каждый из которых релевантен всем остальным и системе в целом.

Таким образом, исследования коммуникативной деятельности и высказывания (как единственной, имеющей материальную форму единицы этой деятельности) должны иметь своей целью построение модели, учитывающей все свойства, процессы и конститuentы, представляющиеся релевантными.

В статье для «The Encyclopaedia of Language and Linguistics.» приведены следующие принципиальные требования к подобным исследованиям:

а) текст — это не простая лингвистическая единица, а явление человеческой деятельности и «взаимодейственности», коммуникации и познания. Таким образом, необходимо не единичное формальное определение текста, а совокупность стратегических определений, удовлетворяющих этим различным, но взаимодействующим факторам;

б) лингвистика текста не может успешно решать свои задачи и проблемы без применения всобъемлющих междисциплинарных методов;

в) лингвистика текста должна поддерживать равновесие между аналитическими и синтетическими подходами в исследованиях. Традиционное лингвистическое понятие конститuentа и единицы, определенных при членении, должно более равномерно коррелировать с понятиями, относящимися к связности и протяженности;

г) привычное рабочее деление на синтаксис, семантику и прагматику, обычно в таком порядке и рассматриваемые, не является более единственно продуктивным. Порядок слов определяется смыслами и функциями текста; смыслы находятся под влиянием знаний коммуниканта и стереотипных положений; а интенции и действия коммуникантов отражены в словарных структурах и смыслах, которые они продуцируют или воспринимают.

Перечисленные критерии позволяют определить основные направления при построении теоретических моделей, описывающих интра- и

экстракоммуникативные процессы.

Таким образом, цель данного спецкурса предполагает рассмотрение основных конституэнтных элементов коммуникативной деятельности, обеспечивающих адекватное диалогическое функционирование текста в речевых ситуациях.

В соответствии с целью задачи определяются следующим образом:

- 1) рассмотреть современное положение дел в лингвистики и смежных дисциплинах;
- 2) выявить парадигму необходимых конституэнтов для успешной диалогической коммуникации;
- 3) найти устойчивые системные взаимосвязи этих элементов;
- 4) очертить рамки коммуникативного применения диалогии текста;

Данный спецкурс рассматривается как первичный и подготовительный в системе спецкурсов «Диалогика текста» — «Диалогика научного текста»

Лекция 1: Коммуникативная деятельность в системе общей теории деятельности

Рассматривая коммуникативную деятельность с позиций общей теории деятельности, необходимо отметить, что этот тип деятельности не является, в общем смысле, независимым и не может рассматриваться как самостоятельный вне связи с остальными типами деятельности, присущими человеку. Язык в понимании современной науки в своей коммуникативной сущности есть порождение общества, он формировался на всем протяжении истории человечества и продолжает свое формирование по сей день не как нечто абстрактное, а как механизм, предназначенный для координации и для регулирования взаимодействия внутри общества. Таким образом, коммуникативная деятельность должна рассматриваться, по крайней мере, не в отрыве от социальной деятельности человека.

Общая теория деятельности может быть стратегической схемой, где достойное место занимают взаимодействие и коммуникация. «Деятельность» можно определить как действия, которые изменяют ситуацию таким образом, как не может произойти само по себе, или препятствуют изменениям в ситуации, происходящим сами по себе.

Коммуникативно-функциональная лингвистика определяет целый ряд специфических свойств и условий коммуникативной деятельности. Эти условия носят определенный социально-лингвистический характер и базируются на особенностях психической и практической деятельности индивида в обществе. В процессе коммуникации как особого рода человеческой деятельности, направленной на установление и поддержание связи и используемой для передачи информации между людьми, взаимодействуют две стороны: лингвистическая и социальная, поскольку любое высказывание, произведенное в конкретной ситуации общения, имеет за собой весьма широкий фон предварительных условий, влияющих на ее организацию.

Коммуникативная деятельность, как и любая деятельность, имеет три

стороны: мотивационную, целевую и исполнительную. Она рождается из потребности, потребность выступает в виде макроинтенций, в которых синтезируется социальная активность субъектов. Макроинтенции выступают в диалоге чем-то объективируемым и выводятся из социальных мотивов. Далее, используя социальные средства, знаки, мы планируем деятельность, ставя ее конечную цель и намечая средства ее осуществления. Наконец, мы осуществляем ее, достигая намеченной цели. Единичный акт деятельности есть единство всех трех сторон. Он начинается мотивом и планом и завершается результатом, достижением намеченной вначале цели; в середине же лежит динамическая система конкретных действий и операций, направленных на это достижение.

Языковые средства используются с учетом ситуации общения и влияния на вербальную ситуацию и стратегию коммуникативного субъекта, то есть с учетом прагматического эффекта, исключая возможность существования изолированных высказываний, лишенных коммуникативных свойств. Акты выбора и организации языковых средств детерминированы, прежде всего, содержанием коммуникативного намерения, реализующегося в определенном социальном контексте.

Специфика человеческой деятельности определяется несколькими основными чертами: первая из них — целенаправленность, наличие с самого начала доминирующей цели. Деятельность организуется таким образом, чтобы достигнуть этой цели.

Вторая черта — это структура деятельности. Деятельность состоит из последовательных действий — таких компонентов деятельности, которые характеризуются самостоятельной промежуточной целью.

Рассматривая коммуникативную деятельность, как совокупность речевых действий, можно сказать, что речевое действие составляет частный случай действия внутри процесса коммуникативной деятельности и должно подчиняться всем присущим ему закономерностям. Речевое действие отличается следующими особенностями:

а) характеризуется собственной целью или задачей (промежуточной по отношению к деятельности в целом и подчиненной совокупной цели деятельности);

б) определяется структурой деятельности в целом и, в особенности, теми действиями, которые предшествовали ему внутри акта деятельности;

в) имеет определенную внутреннюю структуру, обусловленную взаимодействием тех его характеристик, которые связаны со структурой деятельностного акта и общей для многих однотипных актов деятельности и тех конкретных условий или обстоятельств, в которых это действие осуществляется в данном случае и в данный момент.

Производя то или иное коммуникативное действие, мы определяем линию поведения следующими факторами.

Первый фактор, определяющий структуру речевого действия, — это доминирующая мотивация, или мотив деятельности в целом. Мотив — это объект, который отвечает той или иной потребности и который, в той или иной

форме отражаясь субъектом, ведет его деятельность.

Вторым фактором можно считать то, что П. К. Анохин называет обстановочной афферентацией, то есть совокупность всех внешних воздействий данной обстановки на организм, которые вместе с исходной мотивацией наиболее полно информируют организм о выборе действия, более всего соответствующего наличной в данный момент мотивации [Анохин 1968, 83]. Иными словами, это те ограничения на выбор действия (и речевого действия в частности), которые накладываются обстановкой, имеющейся к началу действия, это коммуникативная, или, точнее, социально-коммуникативная ситуация. Данное обстоятельство обуславливает свойство языка как индивидуально-социального явления. Обстановка, в свою очередь, складывается из двух факторов:

а) это то в обстановке, что не зависит от данной деятельности, от действий, предшествующих нашему;

б) это то в обстановке, что связано с предшествующими действиями в рамках процесса деятельности.

Создавшаяся модель «прошлого-настоящего» не является самодостаточной для осуществления коммуникативного действия. Очевидно, что выбор возможных в данной ситуации действий, даже при учете доминирующей мотивации, остается чрезвычайно большим и определяется несколькими различными факторами: уровнем владения методами экстраполяции, уровнем обеспеченности информационными ресурсами. Знания и компетенция коммуникантов, даже принадлежащих к одной профессиональной группе, редко бывают тождественны.

Следующим фактором, который влияет на выбор действия, является «модель будущего», — те прогнозируемые изменения в коммуникативной или социальной ситуации, которые коммуникант планирует получить как результат своих коммуникативных действий. Рассматривая в процессе планирования речевой деятельности и речевого действия как одного из ее этапов, в свете построенной в процессе вероятностного прогнозирования «модели будущего», коммуникант выбирает тот исход, который наиболее соответствует доминирующей совокупной цели деятельности или промежуточной цели единичного действия. Способы вербализации коммуникативного намерения и способы организации отдельных коммуникативных актов в целостный дискурс детерминированы дискурсивно-релевантными компонентами социального контекста и «внутренней структурой говорящего» [Т. Ван Дейк 1989, 312].

С точки зрения самого акта деятельности, эти две составляющие (мотивационно-целевая и «модель прошлого — настоящего — будущего») могут явиться основой построения прагматической и содержательной стороны самого акта деятельности (в нашем случае — коммуникативного акта), исполнительная же его сторона будет обусловлена как стороной содержательной, так и стороной прагматической. Языковое оформление любого высказывания определяется экстралингвистическим содержанием: объективной реальностью и намерениями коммуникантов. С этими моментами соотнесен любой текст.

Таким образом, мы видим, что коммуникативные действия (акты) производятся коммуникантами в коммуникативной ситуации с целью изменения состояний этой ситуации в соответствии с тем, насколько наличествующие состояния устраивают или не устраивают участников ситуации. Эти действия являются личностно обусловленными, так как совершаются субъектом в соответствии с личной мотивацией, осознанными, ибо проходят стадии анализа ситуации и сознательного планирования, и интенциональными, преследующими определенную цель.

В исследованиях коммуникативной деятельности под термином «коммуникативное действие» подразумевается, в основном, акт порождения высказывания, хотя многие авторы признают, особенно теперь, активность процесса понимания. Этот стереотип, по всей видимости, сложился из-за того, что процесс порождения имеет «на выходе» «материальную сущность». Однако процесс понимания тоже имеет и результат — изменение «субъективной картины мира» [Колшанский 1981], «индивидуальных концептуальных схем» [Павиленис 1983] и т.д., что, хотя и не имеет материальных форм, есть явление немаловажное, так как влияет на совокупную деятельность субъекта.

Итак, в общей картине коммуникативной деятельности мы имеем два различных действия (понимание и порождение) и материальный результат (высказывание), объединенные определенной коммуникативной ситуацией, включающей в себя коммуникантов: продуцентов и реципиентов, имеющих различные интенциональные намерения. В намерения продуцента входит произведение коммуникативного действия с целью изменения состояния коммуникативной ситуации (с возможными, планируемыми или не планируемыми последствиями для социальной ситуации), реализующегося в виде материальной знаковой структуры — текста. В намерения реципиента входит восприятие произведенной знаковой продукции с целью ориентации в изменяющейся коммуникативной ситуации, то есть с целью достижения ситуативного равновесия, нарушенного появлением высказывания.

По достижении равновесия сложившиеся состояния коммуникативной ситуации могут индуцировать у реципиента определенные интенциональные состояния, которые потребуют от него совершения коммуникативных (или социальных — социально обусловленных или социально значимых) действий, — реципиент может стать продуцентом.

Лекция 2: Модель процессов восприятия высказывания

Прежде всего следует отметить, что рассмотрение процессов порождения и понимания нам кажется уместным начать именно с процесса понимания, так как порождение высказывания невозможно без предварительной целенаправленной стадии ориентировки в коммуникативной ситуации, то есть без усвоения предыдущих высказываний, актуализованных в этой ситуации и релевантных ей.

Участвуя в актах коммуникации, мы либо понимаем то, что говорят другие, либо порождаем высказывания. В первом случае нашей действительной целью является понимание мыслей, выражаемых с помощью языка. Текст —

это средство передачи мыслей, и в этой связи он выступает в виде своеобразной «упаковки». Знания, используемые при его декодировании, не ограничиваются знаниями о языке. В их число входят также знания о мире, социальном контексте высказываний, умения извлекать хранящуюся в памяти информацию, планировать и управлять дискурсом и многое другое.

Единицы языка коррелятивны единицам мышления, поскольку их существование взаимообусловлено. Понятийная основа отдельных слов определяет их функцию в качестве единиц обозначения, а познавательная установка человеческого сознания на выражение выявленных связей между предметами приводит в действие предикативные структуры, соответствующие мыслительным цепям суждения.

Любое восприятие высказывания связано определенным образом не столько с простым пониманием значения отдельных лингвистических единиц, сколько с уяснением смысла текста, с интерпретацией высказывания в рамках речевой ситуации. Восприятие существует в виде образа отображаемого объекта. Но оно не ограничивается этим. Это не только чувственный образ, но и осознание выделяемого объекта. Осознание же делает необходимым участие в этом процессе прошлого опыта, а также осмысления, понимания.

Применительно к тексту этот процесс характеризуется некоторыми особенностями. Одной из них является то, что здесь в качестве объекта восприятия выступает внешняя форма текста в виде последовательности символов, которые и являются непосредственными раздражителями, воздействующими на органы чувств. Но конечной целью такого восприятия является, конечно, не восприятие букв или звуков, а того, что за ними стоит, то есть предмета описания. Но этот предмет не дан непосредственно, а потому не может воздействовать на сенсорный аппарат. Он должен сформироваться как образ в результате осмысления и понимания комбинаций этих символов [Павиленис 1983; 1986].

Воспринимаемый поток звуков должен быть интерпретирован в терминах фонем, последовательности фонем, в терминах морфем, а структурированные последовательности морфем — в терминах предложений. Части предложений должны быть объединены в предложения, должны быть выявлены отношения, обеспечивающие связность данных предложений, должны быть установлены его глобальные макроструктуры.

Сами по себе языковые выражения не указывают на какие-либо объекты мира: указание как речевой акт осуществляется носителями языка как носителями определенных концептуальных систем. Соответственно распознавание, идентификация референциальных намерений входят в задачу интерпретации в концептуальной системе партнера по коммуникации, интерпретации, охватывающей самого субъекта референции, используемое им языковое выражение, а также контекст его употребления.

На втором этапе осуществляется переход от образа языкового знака как материального объекта к образу его содержания.

Данный этап понимания (восприятия, усвоения, освоения и т. д.) интерпретируется по-разному и, в связи с этой разницей в интерпретации,

описывается в различных терминах. Однако эти терминологические системы имеют определенные концептуальные свойства, определяющие их принципиальную схожесть. Все они предполагают образование в процессе понимания некоторой ментальной структуры, базирующейся на первичном результате, который получен в ходе анализа материальной структуры высказывания, имеющем промежуточные, ментально-коммуникативные свойства, и опирающейся на внутреннюю когнитивную базу реципиента. При этом предполагается, что образуются некие структуры: «пропозиции», «семантические комплексы», «опорные пункты», «смысловые комплексы» и т.д.

На этом этапе понимание является опосредованным аналитико-синтетическим процессом, базирующимся на активной интеллектуальной переработке воспринимаемого текста в некий смысловой комплекс (смысл). Структура смыслового комплекса представляет собой отношение элемента текста, выступающего в качестве «смысловой вехи», к некоторому отрезку текста, содержание которого этот элемент замещает. Это предполагает, что в процессе образования такого комплекса происходит осмысление, причем не только отдельных слов, а и всего отрезка в целом. Такое целостное осмысление предполагает обращение к индивидуальной системе знаний. При этом обращение к знанию должно происходить в процессе формирования смыслового комплекса.

Для построения смыслов знаков-объектов характерно то, что новые смыслы, строятся на основе имеющихся. Последние служат в качестве семантических анализаторов воспринимаемого, познаваемого объекта и в качестве составляющих образуемого или порождаемого таким образом смысла или структур смысла, то есть в качестве частей результирующей системы концептов (концептуальной системы).

Являясь специфическим комплексом, не ограниченным рамками значений включенных единиц, смысл представляет из себя сложное архитектурное образование или, по словам Жинкина, — «интеграл значений». [Жинкин 1982].

Очевидно, что на этом завершается второй этап понимания высказывания, однако можно ли считать законченным восприятие текста простым построением смыслов и смысловых структур, заложенных в нем? Если рассматривать текст, лишь как материальную структуру, то этого, возможно, достаточно, однако в коммуникативной (деятельностной) модели восприятия процесс понимания не ограничивается построением (вычленением) смыслов.

Потребность ориентации в мире вынуждает человека «выбрать» из множества текстов, с которыми он сталкивается и которые он способен осмыслить в своей концептуальной системе, такие, которые он полагает истинными, которые он принимает и которые поэтому являются для него значимыми, а не только осмысленными. Речь идет о выделении тех концептуальных структур, которые репрезентируют наши мнения о мире, к каким бы аспектам мира они ни относились. Такая система имплицитно присутствует в любом акте интерпретации: она как субъективная «картина

мира», является базисной для любых других интенциональных состояний и выражающих эти состояния речевых актов [Колшанский 1984].

Использование знаний в понимании текста означает способность соотносить текст с некоторой имеющейся структурой знания, на основе которой и создается модель ситуации. В процессе этого вспоминаются прошлые ситуации, как конкретно-эпизодические, так и обобщенно-семантические.

Подобные системно-структурные особенности, рассматриваемые с позиции их интерактивных характеристик, явно демонстрируют диалогические свойства процессов восприятия знаковых структур на уровне формирования содержательно-семантических компонентов как на уровне реального диалога, так и на уровне диалога внутреннего.

Сконструированная таким образом модель ситуации представляет собой основу для интерпретации текста. Она охватывает все знание, включая то, которое содержится в тексте имплицитно или же подразумевается. Общее знание используется так же, как специфический опыт: и то и другое образуют основу для моделей ситуаций и, следовательно, для кодирования нового опыта.

На этом этапе анализа обработки текста реципиентом также можно проследить наличие различных терминосистем для обозначения сходных явлений: «концептуальные системы» [Павиленис 1986], «картина мира» [Колшанский 1984], «система знаний» [Беллерт 1978], «понятия» [Кондаков 1971], «фрейм» [Minsky 1975] и т. д. Вне зависимости от различия явлений, описываемых этими терминами, они имеют общие свойства:

- субъективность, то есть индивидуальное понимание и индивидуальную связь с реальным миром;
- ментальную основу;
- определенный уровень абстрагирования;
- стратегическую и тактическую значимость в деятельности и поведении индивида. Эти структуры являются базовыми при ориентировании в ситуации, стратегическом и тактическом планировании деятельности и реализации этих планов, не только коммуникативной, но и всей прочей осмысленной деятельности, свойственной индивиду.

Понятие обычно рассматривается как знание о предмете, вернее, о классе предметов, явлений. Оно отождествляется с основной формой существования смысловой информации и рассматривается как единица человеческих знаний о внешнем мире. Понятие также отождествляется с мыслью, особой формой мышления. Так, по определению Н.И. Кондакова, «понятие — это целостная совокупность суждений, то есть мыслей, в которых содержится что-либо об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой является суждение о наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта» [Кондаков 1971, 373].

Структуры знаний, именуемые фреймами, схемами, сценариями, планами и т. п., представляют собой пакеты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку

стандартных ситуаций. Эти структуры играют существенную роль в функционировании естественного языка: с их помощью устанавливается связность текста на микро- и макроуровне, обеспечивается вывод необходимых умозаключений. Наконец, они «поставляют» контекстные ожидания, позволяющие прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся сходных по структуре событий.

Концептуальная система в таком понимании — это система взаимосвязанной информации, отражающая познавательный опыт индивида на самых разных уровнях (включая довербальный и невербальный) и в самых разных аспектах познания, осмысления мира... Именно в таком статусе концептуальная система и является основой контекста интерпретации неязыковых и языковых текстов.

Структуры, репрезентирующие индивидуальное, или субъективное, знание мира, составляют то, что можно назвать «субъективной системой знаний», являющейся частью системы мнения и охватывающей то, равно как и ограниченной тем, что человек знает о мире. В дальнейшем рассмотрении для обозначения этих явлений в модели понимания мы ограничимся одним термином — «концептуальная система».

2.1 Диалогически релевантные свойства процессов восприятия высказывания

Понимание — это сложный мыслительный процесс, проходящий ряд этапов, в результате чего происходит активное преобразование словесной формы текста, представляющее собой многократное диалогическое перекодирование (интерпретацию).

Понимание имеет конечной целью постижение предмета в его качественной определенности, во всей его содержательности. Содержательность текста включает в себя содержание авторского субъективного отражения объективной действительности, личностные смыслы и социальную сущность сообщаемого. Как и при всяком освоении, субъект понимания активен при взаимодействии с объектом, в данном случае — при взаимодействии с содержательностью текста. Содержательность текстов обладает поэтому исторической изменчивостью, а понимание текстов диалогично.

Процесс понимания текста совмещен во времени и с процессом мышления, и с процессом формирования содержательных знаний. Последние «переводят то, что мы понимаем, в форму «содержания», а затем, когда мы начинаем действовать, — в форму «действительности нашей деятельности»[Щедровицкий 1974, 90].

Таким образом, разделение процесса понимания на этапы не является отражением реального разделения, а предпринимается для удобства анализа. Независимо от того, что на каждом из этапов можно выделить результат (знаковый образ текста; совокупность смыслов; построение концептуальных структур), процессы эти параллельны, хотя на определенном этапе разделение все же существует. В частности, процесс понимания может быть прерван на

одном из этапов. Эта остановка может быть обусловлена несколькими причинами:

а) компетенция реципиента недостаточна для достижения результата на одном из этапов;

б) результаты, полученные на одном из этапов, не удовлетворяют коммуникативных намерений реципиента;

в) коммуникативная цель ориентации в ситуации (коммуникативной или социальной) достигнута. Рассмотрим эти свойства подробнее.

Отметим, что для построения знакового образа текста реципиенту необходимо владеть навыками идентификации материальных знаков (фонетических или графических), навыками правильной их группировки в лексические единицы и выбора контекстуально обусловленных семантических значений этих единиц из того набора значений, который принят в коммуникативной среде, определяющей особенности коммуникативной ситуации, навыками применения конвенциональных грамматических правил объединения идентифицированных единиц в последовательности более высокого уровня (грамматические и синтаксические навыки) и навыками реферирования языковых структур с ситуацией и построения на этой основе смыслового уровня высказывания.

Поскольку понимание не является пассивным процессом извлечения смысловых структур, заложенных в высказывании, а предполагает активное приложение определенных мыслительных усилий для построения этих структур на базе воспринимаемого знакового образа с использованием в этом процессе результатов ориентации в коммуникативной и (или) социальной ситуации, постольку различия в смысловых структурах на этапе порождения и на этапе восприятия могут быть ощутимы.

Поскольку результирующие смысловые структуры при понимании требуют для своего построения некоторого набора общих (или фоновых) знаний, можно предположить, что несмотря на индивидуальные различия, коммуниканты должны обладать некоторыми общими навыками и знаниями, позволяющими совершать результативные коммуникативные действия. причем эти навыки не являются исключительно лингвистическими, так как мы воспринимаем смыслы независимо от языковых форм, выбранных продуцентом для их передачи (с другой стороны, навыки эти должны быть не только стратегическими, но и, до определенной степени, конвенциональными, ибо базироваться они должны на фоновых знаниях, общих для определенных коммуникативных групп), что позволяет реципиенту, например сопоставить и идентифицировать смысловые структуры, выраженные различными продуцентами с помощью различных языковых средств, но объединенные общим контекстом в рамках одного тематического направления.

Общность и конвенциональность могут определяться релевантными целями, условиями, объектами материального мира, объединяющими коммуникантов, той надкоммуникативной средой, которая и определяет надкоммуникативное взаимодействие индивидов. Отсутствие же общности определяет те трудности, с которыми реципиент сталкивается при попытке

восприятия высказываний, произведенных представителями других коммуникативных групп, даже при условии владения лингвистическими навыками.

Еще одной особенностью восприятия высказывания мы обозначили релевантность смысловых структур. Обозначаемый мир не является когнитивно релевантным: то, что мы видим или представляем из текста, — это некая конструкция, модель ситуации. Принимая процесс понимания как активный и определяя активную позицию реципиента в процессах коммуникации, мы склонны полагать, что при восприятии высказывания реципиент сам определяет для себя уровень релевантности тех или иных смысловых структур. То есть, базируясь на своих концептуальных структурах и фоновых знаниях, на своем видении коммуникативной или социальной ситуации, реципиент определяет, какие смысловые структуры важны для него при ориентации в изменяющейся (или изменившейся) ситуации. В зависимости от этого выбора он (реципиент) планирует процесс дальнейшего понимания и определяет, какие смысловые структуры подлежат дальнейшей мыслительной переработке в структуры концептуальные (*utilization*) [R. de Beaugrande 1980], какие предназначены для хранения в виде смысловых структур, а какие будут игнорированы как нерелевантные данной ситуации, будут рассматриваться как несущественные в данном диалоге.

В какой-то мере с релевантностью связано и третье свойство процесса понимания — его завершенность. Целью понимания является ориентация в коммуникативной ситуации, однако, поскольку этот процесс интенционально обусловлен и целенаправлен, он определяется тем коммуникантом, который в этом процессе участвует. Поэтому цель реципиента может быть достигнута тогда, когда он воспринял и проанализировал достаточную для восстановления ситуационного равновесия часть смыслов, эксплицитированных и имплицитированных в высказывании. Более того, модель восприятия, вырванная из одного контекста, независимо от него, работает в другом контексте, моделируя в пределах этого текста/контекста своего рода виртуальный диалог, что еще раз подтверждает определенный уровень объективности и конвенциональности законов, определяющих процессы понимания.

Выводы

1. Понимание — процесс восприятия и мыслительной обработки материальных знаковых структур с целью выявления их смысловых составляющих на начальном этапе, построение смысловых и концептуальных моделей коммуникативной ситуации с целью адекватной в ней ориентации, на базе этих выявленных составляющих.

2. Понимание — активное действие, производимое реципиентом в соответствии с определенными целями и задачами.

3. Понимание — творческий процесс, требующий привлечения определенного набора знаний, умений и навыков, основанный на конвенциональных законах построения смыслов и стратегических законах интерпретации этих смыслов в концептуальные структуры, требующие

известной степени абстрагирования.

4. Понимание — регулируемый процесс, причем главную роль в этом регулировании играют субъективные интенции реципиента.

5. Понимание — диалогический, интерактивный процесс, причем акантами данного диалога могут выступать не только реальные коммуниканты. На определенных этапах понимания текста наблюдаются диалогические взаимоотношения между различными информационно-когнитивными формированиями самого реципиента. Именно эти процессы определяют стратегические и тактические характеристики всей деятельности реципиента, направленной на понимание текста.

Лекция 3: Модель процессов порождения высказывания

При рассмотрении процессов порождения высказывания следует, прежде всего отталкиваться от того факта, что, как действие коммуникативное, порождение определяется закономерностями развития коммуникативной и социальной ситуации. То есть:

1) оно имеет целевую направленность на создание материальной знаковой структуры, предназначенной для восприятия партнером по коммуникации с целью изменения его представлений о существующей речевой или социальной ситуации и возможной мотивации тех или иных ментальных, коммуникативных или социальных действий;

2) процесс порождения высказывания является действием осознанным, совершается в соответствии с определенными интенциональными установками и обладает свойствами всякой осознанной деятельности (проходит стадии замысла, планирования и реализации);

3) совершаясь в пределах коммуникативной ситуации, процесс порождения определяется условиями, свойствами и компонентами этой ситуации;

4) процесс порождения высказывания не является автономным и самодостаточным действием, ибо имеет интерактивные свойства, интенционально он направлен на создание сущности, предназначенной для восприятия другим коммуникантом-реципиентом, а следовательно, и сам процесс, и его результат — текст организуются с учетом возможных и планируемых интерпретаций в рамках единого диалога.

3.1 Процессы порождения высказывания с точки зрения современной лингвистической науки

Порождение высказывания — это весьма сложное действие, имеющее иерархическую структуру. Входящее в речевой акт физическое действие может быть интерпретировано как фонологический или графический акт. Морфематический акт как таковой носит конвенциональный характер; совершая его, мы в то же время совершаем и семантический (лексический) акт; мы совершаем морфематические и тем самым лексические акты только в рамках какой-то более общей цели, а именно — совершения синтактико-семантического или пропозиционального акта, акта высказывания суждения.

Этот акт в свою очередь служит основой для референциального акта — установления соответствия с экстралингвистическими объектами.

Цель этих действий сводится к тому, чтобы реципиент понял смысл сообщения продуцента и (тем самым) узнал его референциальное значение. Эти действия считаются достигшими цели, если результат понимания сообщения реципиентом (определенные изменения в системе его знаний о мире) совпадает с тем конечным состоянием, которого предполагалось достичь в результате данного действия продуцента.

Пропозициональные и референциальные акты сами служат аргументом для еще одного вида конвенциональных актов-функций, а именно — для иллокуционных актов: мы хотим, чтобы в результате понимания нашего сообщения и сопоставления с ним референциального значения слушающий был побужден либо к изменению своих представлений об окружающем мире, либо к осуществлению в этом мире нужных нам изменений. Под прагматическим фокусом мы понимаем акт выбора, критерием которого является успешность и эффективность коммуникации и взаимодействия.

Процесс порождения можно рассматривать как состоящий из нескольких фаз. Фазы — это не отдельные операции, следующие одна за другой, а, скорее, стадии основного процесса, на протяжении которого некоторые операции привлекают больше внимания и ресурсов, чем другие. Выделяется, по крайней мере, четыре фазы: планирование, осмысление, разработка и реализация. В фазе планирования продуцент фокусирует внимание на задаче текста как шага к личной, социальной или когнитивной цели и на предполагаемой аудитории реципиентов. Выбирается тип текста и устанавливаются корреляции между различными компонентными стадиями плана и основными критериями процесса порождения. Для обозначения этих корреляций используется термин «релевантность»: знание и высказывание ожидаемо релевантны в соответствии с поставленной задачей.

Фаза осмысления активизирует управляющие центры, специализирующиеся на поиске и разработке когнитивного содержания, и передает им доминирующую функцию на этой стадии порождения текста. В основу замысла кладется определенная свернутая модель ситуации, полученная в предшествующей познавательной деятельности. Такая свернутая модель определяет главный предмет сообщения, иными словами то, о чем будет идти речь. Но она берется не в своем готовом виде, а переконструируется в соответствии с коммуникативной задачей. Это выражается в том, что накладываются ограничения на полноту ее развертывания в тексте, для чего в замысле актуализируются те ее элементы, которые являются наиболее существенными.

Эти ранние стадии планирования и осмысления находятся вне зависимости от лингвистических систем. Исходными материалами для создания текста являются необходимые моменты и пути знаний: концепты, отношения, ментальные образы, состояния мира (прошлые, настоящие, возможные), эмоции, желания и т.д. Корреляции всех этих сущностей между собой и с выражениями естественного языка осуществляются в процессе

разработки — problem solving [R. de Beaugrande 1980]: поиска, проверки и установления связей.

- Для достижения когерентности устанавливаются связи между различными структурами знаний;
- для выразительности необходимы связи между структурами знаний и выражениями языка;
- когезия требует связей между выражениями языка в пределах поверхностных структур;
- для достижения релевантности необходимы связи между когнитивными сторонами языковых выражений (отдельно или в совокупности) и стадиями или состояниями плана продуцента на данном этапе [Колшанский 1984].

Несмотря на то, что существует определенная асимметрия между этими связующими операциями, сами операции можно рассматривать как сравнимые; хотя исходные данные различаются, системность их организации можно считать достаточно универсальной с точки зрения поиска, выбора и связи. Все операции требуют управляющих структур, которые определяют последовательность поиска и выбора. Все они различаются в зависимости от уровня детализации от локального до глобального и от микроэлементов до макроэлементов. Все они функционируют в направлении порога прекращения деятельности, где процесс останавливается в соответствии с поставленной задачей. Операции эти диалогически структурированы, так как весь процесс поиска и выбора результирующих элементов представляет из себя многократное пересечение и сопоставление исходных данных с целью достижения запланированного результата.

Фаза разработки базируется на результатах планирования и осмысления, вне зависимости от того, готовы или нет пригодные языковые формы к данному моменту. Данная фаза отвечает за детальную внутреннюю организацию концептуальных структур и их отношений. Эта организация не является заранее существующей как определенная или типичная связь. Может даже потребоваться создание новых концептов, и если рассмотреть основные детали, то можно отметить, что даже новые концепты создаются на базе определенных существующих данных, организованных в новом порядке [Павиленис 1986].

Поверхностные структуры текста требуют не простого перенесения этих образований в систему лингвистических знаков, а их предварительной обработки. Во-первых, необходим отбор тех концептов, которые: а) являются релевантными для продуцента в данной коммуникативной ситуации; б) могут быть релевантными для реципиента в данной коммуникативной ситуации.

Во-вторых, концептуальные структуры не являются структурами линейными. Напротив, элементы и взаимосвязи, определяющие их конфигурацию, имеют свободную структуру, определяемую свойствами как концепта, так и индивида, создавшего его. Поверхностные же формы высказывания линейны, а следовательно, требуют для своего построения линейную ментальную структуру.

В-третьих: концепты, являясь составляющими внутренней картины мира индивида, имеют субъективные свойства и требуют для восприятия другим субъектом некоторого уровня объективизации и унификации в соответствии с конвенциональными коммуникативными правилами.

Таким образом, необходимы специализированные ментальные формы, коммуникативно организованные и коммуникативно направленные, — смысловые структуры.

Очевидно, что уровень и количественный состав задействованных концептов, а следовательно, и построенных смысловых структур зависит от коммуникативной ситуации, в рамках которой протекает процесс порождения высказывания. Направленный на адекватное восприятие полученного текста, процесс порождения определяется в зависимости от количественного и качественного состава и состояния компонентов и участников коммуникативной ситуации.

Еще один фактор, влияющий на процесс разработки, — это использование структур общих знаний. (Следует определить различие концептуальных структур и структур общих знаний, ибо эти отличия принципиальны. Общие знания хотя и входят в круг интересов индивида, однако не определяют алгоритм деятельности, а лишь наполняют эту деятельность.) Эти структуры действуют как каналы расширения активизации, сигнализируя продуценту о том, какие компоненты нуждаются в спецификации в релевантном контексте.

Продуцент волен выразить событийные или деятельностные структуры в порядке, отличном от их временной или причинно-следственной связи. Однако качественные особенности коммуникативной ситуации, в особенности общие свойства ее участников, накладывают определенный отпечаток на отбор этих форм из числа подходящих.

Можно предположить, что выбор формы зависит не только от способностей авторов, но и от свойств аудитории, которой адресованы приведенные тексты, автор же, используя знание этих свойств, применяет при создании текста такие формы и типы связей, которые помогают достижению его прагматических целей.

Как и фаза разработки, фаза реализации, в результате которой появляется актуализованная в языковых знаках поверхностная структура текста, подразумевает наличие управляющих факторов. Организация событий, действий, ситуаций и объектов в текстуальном мире оказывает определенное влияние на организацию поверхностной структуры текста.

Необходимость быть понятым диктует отбор таких средств, которые вызвали бы у продуцента адекватное целям коммуникации поведение. Иными словами, во всяком тексте ориентация на его предстоящее действие требует учета партнера коммуникации, предполагаемого или реального: его опыта, уровня знаний, эмоционального состояния, мотивационной направленности и т.п. Таким образом, еще на стадии предварительного формирования смысловых структур проявляются диалогические характеристики высказывания.

В связи с этим возникает проблема путей ориентации продуцента в

коммуникативной ситуации, в том плане, как определить возможные свойства реципиента для создания адекватно воспринимаемого и интерпретируемого текста. То есть возникает резонный вопрос: каким образом и исходя из каких предпосылок продуцент формирует смысловые структуры, релевантные для реципиента, и каким образом он определяет способность реципиента к восприятию тех поверхностных структур, в которых эти смыслы актуализируются?

Даже в процессе непосредственного диалога, когда коммуниканты находятся в прямом речевом контакте, невозможно абсолютно точно определить ни индивидуальных свойств партнера по коммуникации, ни адекватности восприятия высказывания. Даже при наличии обратной связи, прямой (в виде ответного высказывания) или косвенной (в виде некоммуникативного действия), трудно определить истинные мотивы и интенции индивида и то, до какой степени они определяются речевыми действиями других коммуникантов, ибо регистрируется лишь материальный результат этих действий, ментальные же процессы пока прямой интерпретации не поддаются.

Однако тот факт, что процесс коммуникации, в основном, является успешным, позволяет сделать вывод, что упомянутые ориентировочные процессы также можно считать успешными, что дает право предположить наличие определенной степени универсализма в навыках и знаниях партнеров по коммуникативной ситуации. Опираясь на этот универсализм продуцент и формирует смысловые и поверхностные структуры текста. Базовые синтаксические структуры речевых высказываний действуют как модели для выявления возможных проявлений поверхностных структур текста. Эти модели не обязательны, но они могут подразумеваться, так как действуют, как ориентиры.

Как и восприятие, порождение имеет соответствующий порог, уровень, момент, когда процесс прекращается. Теоретически можно предположить, что продуцент готов бесконечно продолжать текст. Чтобы остановиться в определенный момент, процесс должен базироваться на запланированном эффекте текста на аудиторию.

Однако зафиксировать наличие этого эффекта можно лишь в том случае, если создатель текста планировал вызвать те или иные интенции к совершению действий или появлению изменений в поведении аудитории, которые могут быть зафиксированы органами чувств продуцента. Это возможно только в процессе непосредственного речевого контакта с аудиторией. В процессе порождения например письменного текста требуются другие критерии определения момента прекращения деятельности, поскольку реципиент может быть отделен от продуцента как в пространстве, так и во времени. Поэтому процесс прекращения порождения высказывания логичнее связывать не с реакцией аудитории на это высказывание, а уровнем реализации замысла и плана автора. То есть текст можно считать завершенным в тот момент, когда релевантные, по мнению автора, концептуальные структуры и общие знания переработаны в смысловые структуры и актуализованы в материальных знаках

поверхностных форм.

Выводы

1. Процесс порождения высказывания (текста) является коммуникативным действием, производимым с целью изменения равновесия в речевой ситуации.

2. Процесс порождения ориентирован на создание определенной знаковой структуры, предназначенной для восприятия партнером по коммуникативной ситуации (реципиентом).

3. Получаемая в процессе порождения знаковая структура организуется таким образом, чтобы в процессе понимания в сознании реципиента были генерированы определенные мыслительные структуры (смыслы), которые в процессе восприятия изменили бы его концепты и/или структуры общих знаний и, возможно, стали бы причиной возникновения определенных коммуникативных или социальных интенций.

4. Процесс порождения высказывания является деятельностью осмысленной, планируемой и целенаправленной.

5. Порождение высказывания — творческий процесс, требующий привлечения определенного набора знаний, умений и навыков, основанный на стратегических законах формирования концептуальных структур и общих знаний, на конвенциональных законах построения смысловых, коммуникативно направленных структур и формирования на их основе материальных поверхностных структур текстов.

6. Порождение — регулируемый процесс, причем главную роль в этом регулировании играют интенции продуцента.

7. Порождение высказывания — процесс диалогически направленный и диалогически структурированный, предполагающий наличие диалогических отношений как при восприятии его продукта (текста), так и в пределах самого процесса порождения.

Лекция 4: Текст как материальная актуализация смысловых структур

В современной лингвистической науке существует несколько подходов к анализу текста. Однако в этом разнообразии точек зрения можно выделить определенные тенденции: одна — рассмотрение текста как (относительно) автономной материальной (формальной, знаковой и т.д.) сущности; другая — рассмотрение текста как деятельностного акта в цепи других деятельностных актов. Это принципиальное различие в подходах к анализу и определяет расхождение в результатах исследований.

Рассмотрим несколько типических определений текста.

1. Под текстом следует понимать абстрактную единицу языка наивысшего уровня, которая составляет предмет теории языковой способности носителя языка. [Карабан 1979, 76].

2. Текст есть то, что объявляет текстом или отмечает специальными пограничными знаками говорящий и потому понятие

отдельного единого текста зависит от намерений коммуникатора, а также от навыков реципиента и определенной совокупности навыков и правил чтения и объединения текстов, существующих в каждой данной области речевой деятельности [Гиндин 1973, 8].

3. Высказывание есть отрезок речи, имеющий коммуникативную направленность, смысловую целостность, являющийся реализацией языковой системы, отвечающий языковой норме [Торсуева 1979, 15].

4. Текст может рассматриваться как своеобразная копия, оттиск, модель действительности, пропущенная через сознание субъекта в соответствии с целями деятельности, и как некоторая проекция индивидуальной языковой системы, корректируемая условиями данной коммуникативной ситуации [Матвеева 1984, 35].

5. Текст есть прежде всего понятие коммуникативное, ориентированное на выявление специфики определенного рода деятельности. Иными словами, текст как набор некоторых знаков, текст (как процесс порождения знаков коммуникатором и восприятия оценки их реципиентом) является в контексте определенной деятельности реализацией некоего текстуалитета. [Сорокин 1982, 66].

6. Текст как высшая коммуникативная единица — это некоторая целостная система коммуникативных элементов, функционально (то есть для данной конкретной цели) объединенных в единую семантико-смысловую и логическую структуру общей коммуникативной интенции [Дридзе 1980, 49].

7. Понятие текста является категорией реального речевого процесса, то есть категорией вербальной коммуникации, вмещающей в себя все, как было показано, аспекты и признаки речевого акта.

Речевой акт есть прежде всего определенный фрагмент информации как результат познавательной деятельности человека, служащий каждый раз предметом общения (обмена мыслями). Коммуникация же есть движение мысли, так сказать интериоризация мышления, облаченная в материальную форму — язык [Колишанский 1984, 32].

8. Исходным положением в анализе текста является признание его некоей сущностью, имеющей самодавяющий характер, но подчиняющейся общим закономерностям построения речевого произведения в его завершенности [Гальперин 1981, 6].

9. ...любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку [Барт 1978, 444].

10. Текст — понятие функционально-синтаксическое и размером не определяется [Halliday 1974, 107].

11. Текстом назовем речевое произведение, обладающее единством содержания и целостностью формы [Пелевина 1985, 4].

12. ...*текст - актуально проявившееся коммуникативное событие.* [Beaugrande 1994, 4573].

13. ...*'текст' определяется как коммуникативное событие, в котором продуцент передает аудитории, посредством языка (language) и с социальными последствиями (social consequences), определенное пропозициональное содержание.* [Togeby 1994, 4579].

Легко можно выделить два упомянутых подхода к проблеме в целом: текст — как знаковая структура и текст — как деятельностный акт.

4.1 Основные свойства текста как знаковой структуры

Основным свойством всякого текста является его способность содержать в себе и передавать информацию. Текст представляет собой сложное образование, которое одновременно включает в себя языковые, лингвистические, речевые, мыслительные, стилистические, экспрессивные и другие компоненты.

В.И. Карабан выделяет грамматику текста в самостоятельное направление, противопоставляя его лингвистике текста в целом. Такая грамматика текста, по его мнению, в отличие от лингвистики текста, имеет конкретную цель, заключающуюся в полном описании и объяснении языковых способностей носителя языка. Достигается эта цель в результате решения ряда задач, связанных, главным образом, с выделением связанных цепочек предложений, представляющих собой текст, со структурным описанием текста, с определением межфразовой и глобальной связности текста [Карабан, 1979].

При определении грамматики текста существует два основных подхода. В первом случае эта грамматика понимается практически в буквальном значении этого выражения, во втором — этот термин носит скорее условный характер. Это различие выражается в подходе к выражению основных структурных единиц текста. Как в первом, так и во втором случае основной такой единицей является некоторый отрезок текста, включающий в себя последовательность связанных между собой предложений. Обычно такая единица называется сверхфразовым единством (СФЕ), сложным синтаксическим целым (ССЦ) и т.п.

Обычно СФЕ определяется как цепь предложений, объединенных общностью значения, определенных синтаксическими и интонационными связями и образующих относительно независимые от контекста смысловые единства, группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающих более полное по сравнению с отдельным предложением развитие мысли, а также как «качественно особая целостная единица, обладающая своими специфическими делимитационными, структурными и смысловыми признаками» [Фридман, 1979].

Предложения в тексте не просто пространственно расположены, связаны друг с другом только по смыслу. В тексте имеются формальные ограничения на сочетаемость предложений. При этом грамматическое оформление элементов структуры предложения детерминируется пропозицией.

В работах, рассматривающих текст в целом, проблема его границ трансформируется в проблему завершенности. Это объясняется тем, что на уровне целого текста неизбежен переход от формально-структурных категорий к категориям содержательным, смысловым. На первый план выступают такие понятия, как интеграция, целостность и др. [Гальперин 1980].

В результате связи частей текста между собой создается его целостность, являющаяся одной из основных его характеристик.

Такую связь, приводящую к целостности текста, И.Р. Гальперин называет интеграцией.

Он считает, что интеграция, «связывая отдельные сверхфразовые единства в единое целое, нейтрализует отдельную автосемантию этих частей и подчиняет их общему содержанию произведения». Интеграция — это объединение всех частей текста в целом для достижения его целостности. Интеграция может достигаться средствами когезии, но может строиться и на ассоциативных и пресуппозиционных отношениях» [Гальперин 1980, 512].

«В противоположность связности целостность есть характеристика текста как смыслового единства, как единой структуры, и определяется на всем тексте. Она не соотносима непосредственно с лингвистическими категориями и единицами и имеет психолингвистическую природу. Суть феномена целостности... в иерархической организации планов речевого высказывания, используемых реципиентом при его восприятии» [Леонтьев 1969, 12].

Предварительная подготовленность текста предполагает наличие коммуникативной задачи, определяющей необходимое воздействие на партнера по коммуникации. Коммуникативная задача управляет процессом формирования замысла, который представляет собой целостное интеллектуальное образование, моделирующее в свернутом виде содержание будущего текста. Замысел управляет отбором языковых средств, необходимых для его реализации. При этом языковые средства отбираются и организуются таким образом, чтобы их декодирование в процессе понимания приводило к формированию конкретного и целостного образа содержания, соответствующего замыслу. Совокупность языковых средств вместе с их содержательной стороной, поставленная в соответствие замыслу, составляет внешнюю форму текста.

Внешняя форма — это то, что дано непосредственному восприятию. О замысле можно судить только в результате осмысления языковых единиц и понимания текста в целом. То, что понимается, составляет внутреннюю форму текста. Это мыслительное образование, которое формируется в интеллекте партнера по коммуникации и соотносится с внешней формой не поэлементно, а в целом соответствует всей совокупности данных языковых средств. Внутренняя структура имеет свою схему, поскольку ее элементы находятся в определенных отношениях между собой. Эти отношения реализуются как бы в разных плоскостях.

Законченность текста не имеет формальных показателей, она определяется на содержательном уровне. Это интегрированный параметр, возникающий на основе таких параметров текста, как развернутость,

последовательность, внутренняя связность и др. Все они служат одной цели — формированию целостного образа содержания, соответствующего замыслу автора, при восприятии и понимании текста.

Целостность образа содержания может быть достигнута в том случае, если все основные подтемы и субподтемы, введенные в текст, развернуты таким образом, что позволяют синтезировать тему текста. Другими словами, в них достигнута необходимая определенность и конкретность, за счет чего как бы очерчивается семантическое пространство данной темы, соответствующей данному набору языковых средств. В этом случае текст считается законченным.

Целостный образ содержания, возникающий в интеллекте в результате понимания текста, позволяет выделять текст как дискретную единицу коммуникативного процесса. Определенная совокупность языковых средств может составлять внешнюю форму текста, но не сам текст, если ей не поставлено в соответствие конкретное и целостное содержание.

Внешняя форма текста существует в своем материальном виде подобно другим объектам реальной действительности, хотя и имеет специфические отличия от них. Так же, как эти объекты, он может существовать независимо от восприятия. В этом случае текст как материальный объект не содержит в себе ничего, кроме последовательности внешних форм языковых знаков. Они начинают декодироваться и приобретать содержание только в процессе восприятия и понимания, в результате их взаимодействия с интеллектом, где и формируется содержание текста как некоторое мыслительное образование.

Таким образом, текст имеет как бы два основных состояния: статическое и динамическое. Статическое состояние соответствует тексту, рассматриваемому как некоторый результат, продукт речемыслительной деятельности. Динамическое состояние — это текст в процессе его порождения, восприятия, понимания.

Как правило, семантическое образование, возникающее в результате понимания, называют смыслом, имея в виду, что это образование имеет качественное отличие от тех элементов, на базе которых оно формируется. А.В. Бондарко различает план содержания текста и речевой смысл. Он считает, что план содержания — «это семантическое целое, элементами которого являются взаимодействующие речевые реализации языковых лексических, лексико-грамматических (в том числе словообразовательных) и грамматических (морфологических и синтаксических) значений, выраженных языковыми средствами данного высказывания» [Бондарко 1978, 95]. При этом отмечается, что план содержания данного текста соотнесен с планом его выражения, то есть языковыми средствами. Речевой смысл отождествляется с той информацией, «которая передается говорящим и воспринимается слушающим на основе содержания, выражаемого языковыми средствами в сочетании с контекстом и речевой ситуацией, на фоне существенных в данных условиях речи элементов опыта и знаний говорящего и слушающего» [там же].

4.2 Текст как категория речевой деятельности

Понятие текста понимается как категория речевого процесса, категория

вербальной коммуникации, вмещающая в себя все, как было показано, аспекты и признаки речевого акта. В действительности язык и существует как бесконечный коммуникативный процесс, свойственный конкретному языковому обществу, и не может быть, поэтому представлен только суммой правил и законов. Естественно, что сама коммуникация строится по нормам и правилам, однако их совокупность не составляет еще самого речевого акта.

Речевой акт есть, прежде всего, определенный фрагмент информации как результат познавательной деятельности человека, служащий каждый раз предметом общения (обмена мыслями). Коммуникация же есть движение мысли, так сказать интериоризация мышления, облаченная в материальную форму — язык.

Коммуникативный подход к языку, ориентирующийся, прежде всего на текст, как на основную единицу общения, с неизбежностью приводит к тому, что высказывание в его формальной и грамматической структуре является тем звеном структуры языка, которое представляет собой как бы промежуточный продукт речевого процесса, порожденный, с одной стороны, номинативной потенцией языка, обращенной к констатации тех или иных фактов и событий (слово, словосочетание), а с другой стороны, продуктом — в котором предметная информация преобразована в факт сообщения, то есть включена в коммуникативный акт.

Высказывание, таким образом, — узловая единица языка, в нем сосредоточена диалектика противоречия номинации и коммуникации как двух сторон единого речемыслительного процесса. Можно было бы в этой связи определять термином «значение» семантику единиц до предложения, а начиная с высказывания, и прежде всего текста, определить их семантику как «смысл». В целом структуру языка можно было бы представить в содержательном плане как восхождение — от простого значения номинативных единиц к смыслу коммуникативных единиц.

Текст как первичная коммуникативная единица — это не прямой объект синтаксиса в плане атрибутивных и предикативных отношений; он является единицей коммуникации, существенным признаком которой служит смысловая организация и грамматика, если так можно выразиться, логического характера.

Всякий речевой акт — высказывание содержит определенное сообщение, в основе которого лежит взаимодействие материальных или духовных предметов и явлений, события или ситуации, используемые автором в качестве объекта информации. Назначение сообщения состоит в том, чтобы через установление связей между явлениями (познавательный акт) передать коммуникантам свое знание предмета с той мотивацией, которая нацелена на побуждение собеседника к определенным действиям (интеллектуальным или материальным).

Естественно, что основным признаком единиц, из которых складывается языковая коммуникация, может быть только такая единица информации, которая, с одной стороны, формируется коммуникантом для определенного адресата, а с другой стороны, принимается адресатом, определяя диалогические черты самой информационной единицы. Эта единица языка должна обладать

смысловым признаком, ибо только на этом качестве может строиться сам обмен мыслями, а смысловой характер его должен быть определен не из каких либо структурных параметров, а из особенностей того реального отрезка действительности, который лежит в основе образования семантики соответствующей языковой единицы.

Поиски структурных формальных признаков организации текста особенно трудны, так как текст может рассматриваться лишь как квант коммуникации и, следовательно, как квант информации со всеми вытекающими отсюда закономерностями смысловой структуры текста [Колшанский 1990].

Необходимо подчеркнуть, что в основе любого текста лежит структурирование, определяемое в конечном итоге самим объектом, а следовательно, и теми речемыслительными операциями, которые отображают денотат языкового фрагмента, и поэтому любой вид текста создает благодаря своему структурированию целостность и завершенность. Если рассматривать текст как звено в актуальном и потенциальном аспектах, то необходимо предположить, что любому тексту предшествует некоторая материальная и вербальная диалогические ситуации — непосредственно (контактно) или опосредованно (дистантно), что и создает мотив к порождению текста и условия его реализации.

Текст поэтому необходимо определять не как статическую единицу языка, а как подвижную языковую единицу, границы которой релевантны каждый данный раз относительно определенной коммуникативной установки.

Организация текста как макроединицы языка должна быть рассмотрена прежде всего в смысловом аспекте, то есть в аспекте адекватности передачи и восприятия той информации (смысла, содержания), которая послужила основой порождения текста. Природа текста двойственна в том смысле, что он представляет собой, с одной стороны, **факт — продукт деятельности**, и в этом смысле действительно может рассматриваться как языковая единица; с другой стороны, текст «обращен к коммуникативному акту, к деятельности общения» [Сусов 1988, 90] и в этом ракурсе может рассматриваться как **действие**. В соответствии с этим как реакция против стремления увидеть в тексте лишь один из уровней языковой системы возникает коммуникативный подход к анализу текста, способный в более полной мере учесть разнообразные аспекты его организации.

Важно подчеркнуть, что коммуникативный подход к тексту означает не только выдвигание на первый план деятельностного, процессуального аспекта языка, но и интеграцию самых разных аспектов, так или иначе связанных с процессом коммуникации.

В самой структуре коммуникативного процесса как специфической формы деятельности проявляются модели человеческого поведения, являющиеся основой этой структурной организации коммуникативного процесса. Однако текст даже в рамках коммуникации следует рассматривать прежде всего в логико-гносеологическом аспекте — в аспекте выражения в ней познания, опыта человека, деятельность которого направлена на теоретическое и практическое овладение действительностью. Отражение структуры

человеческой деятельности в вербальном компоненте коммуникации как таковом следует рассматривать как вторичное явление, возможное в силу того, что язык является универсальным средством отражения внеязыкового опыта.

Одним из практически важных признаков определенной организации текста является его прагматическая направленность, ведущая к достижению определенного результата для коммуникантов (все виды воздействия на коммуниканта, начиная от понимаемости и заканчивая ожиданием определенных действий). Надо также сказать, что прагматический признак выводится из его логико-смысловой организации, так как достижение практического эффекта в общении может быть только следствием его выраженной логико-смысловой направленности, то есть такой смысловой направленности, которая по своему содержанию (выбору грамматических и лексических единиц, порядка сцепления высказываний и т.д.) имеет своим итоговым содержанием установку на конкретные действия со стороны партнеров по коммуникации.

Во всех своих разновидностях текст включает в себя два адресата: отправителя и получателя, независимо от того, реализуются ли эти коммуникативные начала в виде непосредственных участников коммуникации или в виде подразумеваемого слушателя (читателя). Любой текст надо рассматривать как двусторонний, то есть текст, обращенный к определенному адресату, даже если в качестве адресата и выступает сам говорящий субъект.

4.3 Компилятивный подход к основным моделям текста

При ближайшем рассмотрении приведенных точек зрения, можно выделить некоторые закономерности, определяющие различия и сходства этих подходов.

Во-первых:

а) модель, базирующаяся на материальной (знаковой, поверхностной, формальной) структуре текста, анализирует высказывание с позиции процессов понимания, начиная с его материальных структур, и продвигается в направлении вычленения на их основе смысловых (содержание, тема) и прагматических (замысел, цель) структур;

б) модель, принимающая текст как коммуникативный акт, рассматривает его с точки зрения процессов порождения, то есть: отталкивается от цели и замысла, анализирует построение смысловых структур, релевантных цели и замыслу, и, наконец, рассматривает актуализацию смыслов в виде 'вербальной последовательности', поверхностной структуры.

Во-вторых:

а) в структурной модели процесс понимания носит скорее обобщенный, отчужденный от реального коммуниканта, чем конкретный характер, отрывая продукт диалога от самого диалога, что унифицирует сам процесс с точки зрения анализа;

б) деятельностная модель, напротив, предполагает наличие коммуникантов как неотъемлемых конституэнтов для каждого конкретного случая высказывания и отводит тем самым значительное место

коммуникативной ситуации.

Несмотря на эти различия, обе модели имеют и общие свойства: основной конституэнтной структурой, лежащей между замыслом и поверхностной структурой как при восприятии, так и при порождении, является структура смысловая ('содержание' [Бондарко 1978], 'макропропозиции' [van Dijk 1977], 'текстуальные модели мира' [Beaugrande 1980] и т.д.).

Мы будем пользоваться при анализе результатами обеих моделей. В данном случае следующие конституэнтные признаки текста являются для нас релевантными:

текст является материальной знаковой структурой, обладающей определенными формальными признаками и построенной в соответствии с конвенциональными правилами порождения подобных структур, принятыми в данной коммуникативной среде и релевантными данной коммуникативной ситуации;

- текст является также определенным набором смысловых структур, построенных одним коммуникантом (продуцент) для передачи другому коммуниканту (реципиент) с определенной коммуникативной, когнитивной или социальной целью;
- смысловые структуры являются основой для построения материальной знаковой (поверхностной) структуры на этапе порождения и воспроизводятся в результате декодирования поверхностной структуры на этапе восприятия;
- смысловые структуры создаются на основе концептуальных и общих знаний продуцента о данной коммуникативной, социальной или материальной ситуации при порождении текста и служат материалом для возможного изменения, дополнения и создания концептуальных и общих знаний о данной коммуникативной, социальной или материальной ситуации у реципиента;
- продуцент совершает коммуникативное действие, результатом которого является высказывание с целью такого изменения имеющихся у реципиента представлений о состояниях данной коммуникативной, социальной или материальной ситуации, в результате которого у реципиента могут возникнуть интенции и мотивы к совершению определенных коммуникативных, мыслительных, социальных (или социально обусловленных) или физических действий;
- реципиент совершает коммуникативное действие восприятия текста с целью ориентации в коммуникативной ситуации, изменившейся в результате появления этого текста, и последующей адаптации к новым состояниям коммуникативной, социальной или материальной ситуации, посредством совершения тех или иных коммуникативных, мыслительных, социальных или физических действий.

4.4 Диалогически релевантные характеристики текста

Понятие завершенности текста вплотную зависит от той позиции, которую занимает конкретный коммуникант в конкретной речевой ситуации и

от самой речевой ситуации. Для продуцента текст завершен только в том случае, когда реализован его коммуникативный замысел, актуализованы все те смысловые структуры, которые он (продуцент) считает релевантными в соответствии с замыслом, либо достигнуты те коммуникативные или надкоммуникативные цели, которые послужили мотивом для порождения текста. Для реципиента же завершенность воспринимаемого текста определяется уровнем и адекватностью результата ориентации в коммуникативной ситуации или достижением когнитивных целей, то есть усвоением смысловых структур, релевантных системе его концептуальных и общих знаний.

Таким образом, можно предположить, что в определенных случаях завершенность текста, определяемая автором, не всегда соответствует завершенности текста, принимаемой реципиентом, и это является причиной того, что авторское членение текста не всегда адекватно тому членению, которое предпринимает реципиент. Это связано с тем, что:

а) основной конституэнтной структурой, определяющей свойства текста, является именно смысловая структура;

б) процесс восприятия текста является относительно автономным от процесса порождения и основывается на индивидуальном понимании тех или иных смысловых структур;

в) однажды актуализованная в языковых знаках смысловая структура получает некоторую степень автономности и становится достоянием некоторого обобщенного текстуальитета.

Следующим свойством текста, которого следует коснуться подробнее, является его типическая композиционно-жанровая форма. М.М. Бахтин в работе «Проблема речевых жанров» дал такое определение: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента — тематическое содержание, стиль и композиционное построение — неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1979, 237].

В данной модели порождения высказывания это определение можно интерпретировать таким образом:

а) жанрово-композиционные особенности текста определяются социально-коммуникативными свойствами речевой ситуации, теми конвенциональными правилами, которые определяют процессы порождения и восприятия высказываний участниками данной ситуации и свойствами

коммуникантов, релевантными данной ситуации;

б] несмотря на личностную характеристику состава смыслов, актуализируемых в поверхностных структурах, определяющим фактором при выборе тех или иных языковых форм существуют требования, налагаемые конкретной ситуацией общения, и эти требования являются конвенциональными в пределах определенных ситуаций, а следовательно, и для участников этих ситуаций.

Анализ конкретного текста должен производиться с учетом той коммуникативной ситуации, продуктом которой он является. К тому же сам исследователь должен обладать свойствами, достаточными для того, чтобы интерпретировать текст адекватно этой коммуникативной ситуации.

Выводы

1. Поскольку текст является средством передачи смысловых структур от одного коммуниканта другому, именно смысловые структуры можно считать определяющими как в процессе порождения, так и в процессе восприятия высказывания.

2. Текст является результатом коммуникативного действия (порождение] и исходной структурой другого коммуникативного действия (восприятие)], таким образом он имеет диалогические свойства и является неотъемлемой частью диалога.

3. Текст может рассматриваться как относительно автономная смысловая структура, однако он не может рассматриваться вне конкретной коммуникативной ситуации, в контекст которой он входит.

4. Текст является опосредованным отражением материальной или социальной ситуации, так как строится и воспринимается на основе индивидуальных отражений этой ситуации коммуникантами.

5. Поскольку как при порождении, так и при восприятии текста широко задействованы системы концептуальных и общих знаний коммуникантов, текст можно считать точкой диалогического соприкосновения этих систем.

Можно предложить следующее определение: *Текст есть совокупность смысловых структур диалогической направленности. Его создание основывается на индивидуальных знаниях продуцента и актуализуется в знаковых формах, предназначенных для восприятия и усвоения реципиентом с целью такого изменения модели «текст-мир» реципиента, которое приведет к возникновению мотива и интенции к совершению определенных действий, имеющих когнитивно-коммуникативный характер.*

Лекция 5: Система общих и концептуальных знаний коммуникантов и их реализация в коммуникативных процессах

Всякая коммуникативная деятельность (как и любая другая деятельность]

базируется на совокупной системе концептуальных и общих знаний индивидов о закономерностях реального и социального мира.

5.1 Система знаний в понимании современных школ когнитивной лингвистики

Под системой знаний мы будем понимать ту «картину мира», которую человек строит в своем интеллекте, с целью адекватной ориентации в окружающей среде и регуляции своего поведения. Построение такой «картины мира» является результатом отражения реальной действительности. Это отражение является субъективным в том смысле, что осуществляется каждым отдельным субъектом и принадлежит этому субъекту. В то же время оно объективно, поскольку детерминировано объектами реальной действительности, которая едина.

Образ, возникающий в процессе отражения, - это **первичный образ**. Он является результатом восприятия, его завершением. Основным свойством этого образа является его целостность. В нем синтезируется целостное отражение предмета действительности, который на сенсорном уровне отражается в виде множества дискретных сигналов, поступающих от рецепторов.

«**Вторичный образ**», называемый обычно представлением, может быть актуализован в сознании и тогда, когда объект восприятия отсутствует. Представления составляют основное содержание памяти и являются «строительным материалом» для процесса мышления. Они утрачивают непосредственную связь с объектом реальной действительности, явившимся причиной их возникновения, и являются средством опосредованного отражения действительности. Представления становятся заместителями реальных предметов, их представителями в долговременной памяти. Следовательно, представления становятся теми первичными элементами, которые формируют систему знаний. Мыслительные формы берут начало в предметно-чувственной деятельности, но не сводятся к ней. Отражение человеком окружающего мира заключается, как известно, в создании им соответствующих познавательных структур.

Понятие обычно понимается как знание о предмете, вернее о классе предметов, явлений. Оно отождествляется с основной формой существования смысловой информации и рассматривается как единица человеческих знаний о внешнем мире. Понятие также отождествляется с мыслью, особой формой мышления. Так, по определению Н.И. Кондакова, «понятие — это целостная совокупность суждений, то есть мыслей...» [Кондаков 1971, 373].

«...познание есть отражение объективной действительности. Но если эмпирическое познание отражает мир непосредственно, то теоретическое отражение является сложным и опосредованным. Цель эмпирического познания заключается в обеспечении деятельности человека в предметно-практической среде, поэтому оно отражает действительность в структуре предметно-практической деятельности» [Ворожцов 1990, 69].

Некоторые виды мышления могут осуществляться на уровне вторичных образов, без обращения к системе понятий, в то время как понятийное

мышление должно обязательно опираться на представления, так как «тот, кто не имеет представлений, на основе которых создается понятие, не владеет понятием» [Кондаков 1971, 394]. Это справедливо для теоретических конструктов, которые, будучи абстракцией, отвлеченной категорией, лишенной конкретного содержания, в определенной степени теряют материальную наполненность и связь с реальностью. Они приобретают смысл, конкретное содержание только в процессе установления связей с тем конкретным материалом, на основе которого они сформированы.

Понятия являются формой существования систематического, в определенной степени теоретического, знания, относительно нейтрального к различным конкретным задачам, решаемым человеком. В этом смысле они являются универсальными единицами, поскольку могут быть использованы в любых задачах. Теоретическое бытие человека есть следствие и в то же время условие его практического бытия. Вступая в практическое взаимодействие с объектом, человек, опредмечивая в нем свои сущностные свойства, одновременно распредмечивает свойства объекта.

Все это делает возможным предположение, что именно эти модели, составляющие самостоятельный уровень организации знания, соответствуют денотативному уровню отражения, а их свернутые образы являются формой существования денотатов в интеллекте. Будучи свернутыми образами, денотаты могут иметь различный объем замещаемого содержания, так как это не только модели отдельных предметов, являющихся элементами ситуации, но и сами ситуации, которые в свернутом виде входят в более сложные ситуации в качестве их элементов.

Однако процесс индивидуального познания мира не сводится к отражению материальных явлений и построению на базе этих отражений тех или иных мыслительных конструктов. Значительную, а в области теоретических знаний большую часть когнитивной информации о мире, индивид получает в процессе коммуникативных отношений, — из текстов, воспринятых в тех или иных коммуникативных ситуациях и репрезентирующих те или иные денотатные структуры.

Денотатная структура в целом и ее основной элемент — денотат — является внутренним мыслительным образованием, которое не имеет своих собственных средств внешнего выражения, кроме естественного языка. Но в этом случае мы опять приходим к тексту, который есть лишь форма этого содержания, а не само содержание «в чистом виде».

Благодаря предметным отношениям, связывающим элементы ситуаций и сами ситуации в единое целое, денотаты организуют определенную когнитивную систему, включающую не только все отраженные свойства реального явления. Хотя эта система в процессе познавательной и коммуникативной деятельности изменяется и дополняется, она все же характеризуется определенной стабильностью. В отличие от нее структура содержания конкретного текста, которая тоже может представлять собой некоторую совокупность денотатов, является динамической моделью ситуации, задаваемой текстом. Ситуация, задаваемая текстом, хотя и включает ситуации,

или их фрагменты, уже имеющиеся в опыте, является новой ситуацией. За счет этого и появляется возможность передачи новой информации с помощью текста, которая находит конкретное выражение в новых денотатах или новых отношениях.

Формирование новых когнитивных структур происходит в процессе диалогического взаимодействия индивидуальных информационных формирований коммуниканта и информационных формирований, образующихся в процессе восприятия и интерпретации текста. Для этого необходимо, чтобы в интеллекте человека была предварительно сформирована соответствующая система денотатов, через соотнесение с которой в процессе понимания формируется динамическая модель ситуации, составляющая содержание текста. Такая динамическая модель ситуации, являющаяся результатом понимания текста, воздействует на все уровни системы знания, производя в них соответствующие изменения и дополнения, и, свертываясь, включается в общую структуру уже существующих моделей.

В этом аспекте язык представляет собой материализацию того идеального мира, который строит человек как познающий субъект, открывая объективные закономерности в процессе освоения мира и закрепляя их в идеальной форме — сознании, материализованную систему и структуру которого составляют языковые средства. В своей основе текст поэтому является как бы вторичным миром, построенным по тем же законам, что и первичный — материальный мир. Становление и развитие языка, его жизнь есть не что иное, как функционирование индивидуально-общественного сознания.

5.2 Системы общих и концептуальных знаний в языковой и коммуникативной деятельности

Когнитивный мир языка есть вместилище понятийного мира человека, построенного в полном соответствии с законами объективного мира. Когнитивный мир языка, или общественное сознание, в своей форме объективно отражает исходный мир и поэтому служит средством дальнейшего его познания, правильной ориентацией человека в природе и в конечном итоге — способом теоретического овладения закономерностями мира [Колшанский 1984, 20].

Усваивая денотатные структуры, выраженные в текстах, индивид теряет некоторые черты индивидуальности своей субъективной картины мира в силу того, что принимает в собственную понятийную (концептуальную) систему знаний, в свое сознание когнитивные структуры, являющиеся частями сознания общественного. Индивид соответственно перестраивает свою систему знаний.

Общественное сознание выливается в человеческом обществе в форму языковой материи и существует в виде бесконечного потока речевых актов на определенном этапе развития человеческого общества, закрепляемых с помощью различной техники в виде текстов, являющихся звеньями бесконечной диалогической цепи [Бахтин 1979].

Если общественное сознание существует и закрепляется в форме языка, то вполне естественно, что индивидуальное сознание становится

общественным только в условиях общения между индивидуумами — обмене единицами сознания с помощью материальных знаков, в качестве которых и выступают языковые знаки. Язык в этом случае, с одной стороны, выступает как бы посредником между индивидами, а с другой стороны, он же и есть воплощение-субстанция самого познания одновременно в индивидуальном и общественном плане.

Характер человеческого познания предопределяет и функциональную сущность языкового знака, а именно его индивидуально-общественные качества. Языковой знак двусторонен по своей природе — он материален и идеален; двусторонен по своей гносеологической основе, ибо одновременно означает конкретную и всеобщую сущность предметов и явлений; он двусторонен и по своей функции — обслуживает индивидуум и коллектив. Эти аспекты языкового знака определяют его коммуникативную сущность как реализацию единства этих аспектов в языковом общении. Языковой знак осуществляет интериоризацию людей в обществе; он находится в постоянном движении — от индивидуума к индивидууму в пределах определенного общества. По этой причине языковой знак включает в себя результаты не только индивидуального сознания, но и общественного сознания, аккумулируя, таким образом, в себе индивидуально-общественный опыт познания мира. С помощью языкового знака осуществляется обмен мыслями на том уровне, на котором фиксируется степень познания объективного мира.

В процессе познавательной деятельности субъект опирается на обобщенные и трансформированные конкретно-историческими условиями результаты предшествующего опыта. Закрепляясь посредством ряда гносеологических и социально психологических механизмов, они становятся относительно самостоятельными и могут в определенных условиях значительно отрываться от практики, существенно влиять на ее направленность.

В этом смысле любое языковое образование, имеющее относительно законченный смысл, или выражающее определенную концептуальную (понятийную) структуру, представляет собой элемент всеобщего опыта конкретного коллектива. Следовательно, любая совокупность высказываний может рассматриваться как элемент, как квант всеобщего познавательного опыта. Наиболее полную реализацию в языковом общении этот опыт находит, естественно, в максимально информативной единице языка, которая должна быть определена как такая совокупность высказываний, в которой осуществляется относительно законченный процесс информации, то есть — в тексте.

Выводы

1. Познавательные структуры входят неотъемлемой частью в состав концептуальных знаний коммуниканта как индивида и следовательно, имеют определенные индивидуальные характеристики.

2. В то же время, формируясь в процессе отражения единого объективного мира, они имеют общие черты, релевантные единству

отражаемых сущностей.

3. В связи с тем, что формирование системы знаний индивида происходит не только в процессе отражения явлений материального мира, но и в процессе усвоения общественного знания, эти структуры имеют также общие черты, релевантные конвенционально принятым знаниям.

4. Формируясь в процессе интерактивной деятельности (человек/мир, человек/человек, человек/текст, человек/совокупность текстов), они представляют из себя продукт, наполнение и суть бесконечного диалога, процессуально и материально обеспечивающего прогрессивный динамизм как в развитии индивида, так и в развитии общества в целом.

5. В то же время комплекс индивидуальных знаний коммуникантов (как отражение комплекса общественного знания) предопределяет возможность сопоставления продуктов их деятельности (текстов) в рамках обобщенных коммуникативных ситуаций.

Лекция 6: Интертекстуальность в диалогике текста

Лингвистика, воспринимающая текст в замкнутом пространстве, не соотнесенном с другими текстами, препятствовала исследованиям в области диалогике текста с ее интертекстуальной коммуникацией. Очевидным стал тот факт, что попытка получить информацию из одного текста может изменить смысл текста, так как он выпадает из диалогического общения и создается его искусственная изоляция (она возможна лишь для каких-то исследовательских целей).

Интертекстуальность помогает воспринимать текст с точки зрения его зависимости от других релевантных текстов, так как мы в различной степени обладаем множеством ассоциаций, которые возникают из нашего предшествующего опыта и знаний, то есть нельзя не учитывать тезаурусно-концептуальную систему знаний коммуникантов, обладающих разными мнениями и знаниями об окружающей действительности.

Некоторые лингвисты слишком узко трактуют понятие интертекстуальности под влиянием структурализма и редуцируют его до обезличенной монологизированной сущности. В нашем понимании любой текст изначально диалогизирован и активно взаимодействует с другими текстами.

Следует отметить, что интертекстуальность может быть активной и пассивной. Интерпретация кажущейся простой ссылки требует больше, чем знание лишь семантического содержания. Необходимо знание текстов, которые составляют определенную концептуальную систему знаний в пределах той или иной культуры.

Интертекстуальная связь является сильной в том смысле, что она активизирует знание и концептуальные системы знаний, которые находятся непосредственно за пределами текста. Интертекстуальные функции не всегда активны. Существуют пассивные формы интертекстуальности, которые равносильны не более чем основному требованию — внутренней когерентности текста.

Неправильно было бы рассматривать интертекстуальность как механический процесс. Текст — это не только лишь включение каких-то «кусочков», отбираемых из других текстов. Не следует также понимать интертекстуальность как простое включение окказиональной референции в другой текст. Скорее они привносятся в текст по какой-то причине. Мотивированная природа этого интертекстуального отношения можно объяснить с точки зрения таких понятий как текстуальная функция, или коммуникативная цель. Таким образом, актуальный смысл принадлежит не одному смыслу, а двум встретившимся смыслам, что позволяет говорить нам о смысловом диалогическом «эффekte» Бахтина.

Интертекстуальный процесс цитирования не просто вопрос ассоциации идей, что-то субъективное и произвольное. Наоборот, это обозначающая система, которая оперирует на уровне коннотаций. Она требует для этого специальных знаний для того, чтобы быть эффективным как средство обозначения. Каждое вторжение цитации в текст является кульминацией процесса, в которой знак «путешествует» из одного текста — источника к другому «месту назначения». Пространство, которое пересекает от текста к тексту знак, можно назвать интертекстуальным пространством [Natim et al 1993, 128]; в нашей интерпретации — это интертекстуально-диалогическое пространство. Источник цитации претерпевает трансформации, чтобы приспособить цитацию к новому окружению, воздействовать на нее. Весь процесс можно рассматривать как переключение одного сообщения в другое.

Типология интертекстуальности, определяемая как отношение, которое текст поддерживает с предшествующими текстами (претекстами), инспирирует его, делает его возможным, была представлена в «Энциклопедическом Словаре Семиотики» [Sebeok (ed)1986, 829]. По мнению авторов, интертексты принадлежат к одной из следующих категорий:

- 1) ссылка (сноска), когда раскрываются источники, указывающие название, главу и т. д. ;
- 2) клише, стереотипное выражение, которое стало незначимым из-за чрезмерного использования;
- 3) литературная аллюзия, цитация или ссылка на выдающуюся работу;
- 4) самоцитирование;
- 5) конвенциональность, идея, которая стала размытым источником из-за частого употребления;
- 6) пословицы, изречения, которые находятся в социальной памяти;
- 7) размышления, или вербализация герменевтического опыта выявления различных «эффектов» текста.

Эти категории не дают, однако, полной картины. Они концентрируются на дискретных элементах в интертекстуальном процессе, вместо самого коммуникативно-диалогического процесса.

Отношения, которые сообщество устанавливает между одной группой текстов и другой, могут быть описаны разными способами:

- 1) они могут быть родовыми (с точки зрения жанровой принадлежности — как основной критерий);

2) они могут быть тематическими или топикальными;

3) они могут быть структурными, проявляющими сходство формы, например, слова, образованные по способу языковой контаминации, такие как «stagflation» (stagnation+inflation).

4) наконец, они могут быть функциональными, покрывая сходство, с точки зрения целей. Например, способы выражения «I'm sorry».

Существуют элементы текста, которые приводят в движение процесс интертекстуального поиска и сам акт коммуникативного процесса. Важным свойством этих сигналов является то, что они являются заметными элементами текста. Они не составляют интертекстуальную ссылку как таковую, но являются важными индикаторами.

Идентифицируя интертекстуальный сигнал, адресат определяет различные «маршруты», через которые данный сигнал соединяется с его претекстом, или так как эти маршруты — двухвекторные системы, то данный претекст соединяется со своим сигналом. Претексты — это источники, из которых берутся интертекстуальные сигналы, и с помощью которых они инспирируются.

Создавая новый текст в процессе коммуникации, и используя в той или иной степени предшествующие тексты, находящиеся в одном смысловом поле, автор неизбежно испытывает давление читателя и стремится учитывать его тезаурус и коммуникативный портрет, а также его социальные переменные. В любом случае продуцент согласовывает свой приоритет с определенным типом реципиента и его понимания (читательскоцентрический подход). В результате, явно или неявно, возникает «конфликт» интересов или приоритетов, ибо параллельно тексту возникают интересы и мотивации реципиента.

Подводя итоги, можно сказать, что теория интертекстуальности развивается по двум направлениям. С одной стороны, она подчеркивает значимость предшествующего текста, поддерживая идею о том, что литературный текст, например, не следует считать автономной сущностью, а следует рассматривать как зависимый интертекстуальный конструкт. С другой стороны, фокусируя наше внимание на коммуникативном намерении как предусловии для понимания, интертекстуальность, видимо, указывает на то, что статус предшествующего текста можно наблюдать с точки зрения его вклада в сообщение, которое эволюционирует в процессе развертывания текста.

Считая интертекстуальность одним из условий диалогичности текста, мы рассматриваем этот процесс более объемно — как совокупность семантически неповторимых текстов, находящихся в одной бесконечной сфере деятельности, или в одном смысловом поле (например, поле борьбы научных идей и направлений или вся совокупность поэтических произведений о любви).

Выделение у текста свойств обособленности создает искусственную ситуацию изоляции текстов, находящихся в одном смысловом поле. Ни один текст вообще не может быть отнесен на счет одного коммуниканта. Текст — «...продукт взаимодействия говорящих и шире — продукт всей той сложной социальной ситуации, в которой высказывание возникло...» [Волошинов 1927, 118]. В результате сцепления текстов образуется конвергентный эффект

диалогии текста. Такая встречаемость порождает бесконечную смысловую «валентность» текстов и взаимосвязь всех смыслов, бесконечность вопросов и ответов.

Можно говорить о конвергентном диалогизме нашего мышления о теориях, людях (человек как личность может оцениваться по совокупности речей).

Диалогические отношения в диалогике текста не всегда совпадают с репликами реального диалога (беседа, спор, научная дискуссия, теледебаты и т. п.) — они разнообразнее и сложнее. Два текста, отдаленные друг от друга во времени и в пространстве, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть какая-либо смысловая конвергенция.

В диалогике текста нельзя не учитывать фактор времени, так как даже тождественные утверждения не тождественны, если они высказаны в существенно разные моменты времени [Винер 1958, 159]. Работы великих ученых, писателей живут в большом времени (great time), то есть носят вневременной характер [Бахтин 1979, 331]. Их смысловой состав продолжает расти и обогащаться, так как огромные потенциальные смыслы не могли быть раскрыты во всей полноте в разное время. Нельзя не учитывать тезаурусно-концептуальную систему знаний коммуникантов, так как у них разные мнения и знания об окружающей действительности.

Тематика курсовых и дипломных работ

Курсовые работы:

1. Диалогика текста как когнитивный фактор
2. Интертекстуальность в различных жанрах
3. Когнитивные свойства интертекстуальных вводных
4. Контекст: способы экспликации и импликации

Дипломные работы:

1. Локальный контекст в когнитивно ориентированной коммуникации
2. Многомерное авторство в научной коммуникации
3. Субъективные и объективные аспекты научного текста
4. Коммуникативная вариативность при реализации концепта в различных коммуникативных регистрах

Литература по курсу

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.- М.: «Искусство», 1979.
2. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
3. Богин Г.И. Филологическая герменевтика.- Калинин, 1982.
4. Бойко Е.И. Механизмы умственной деятельности.- М., 1976.
5. Винер Н. Кибернетика.- М. 1958.
6. Волошинов В.Н. Фрейдизм: критический очерк.- М.-Л., 1927.
7. Ворожцов В.П., Москаленко А.Т., Шубина М.П.. Гносеологическая природа и методологическая функция научной теории.- Новосибирск.: Наука, Сиб. отд-ние, 1990.
8. Гак В.Г. Истина и люди // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
9. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования.- М.: «Наука», 1985.
10. Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения.// Новое в зарубежной лингвистике. Вып 24. Компьютерная лингвистика.- М.: «Прогресс», 1985.
11. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация.- М.: «Прогресс», 1989.
12. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
13. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: «Высшая Школа», 1980.
14. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: «Наука», 1982.
15. Зотов Ю.П. Диалогика текста как бесконечномерное смысловое пространство. - <http://libword.by.ru/lingv.html>, 2000
16. Каменская О.Л. Текст и коммуникация.- М.: «Высшая Школа», 1990.
17. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.
18. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление.- Л., 1972.
19. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка.- М.: «Наука», 1984.
20. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке.- М., 1975.
21. Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971
22. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации.// Синтаксис текста.- М.: «Наука», 1979.
23. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания.- М.: Наука, 1969.
24. Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Хрестоматия по психологии.- М., 1977.
25. Карабан В.И. Прецептивные импликации грамматики текста // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия.- Киев, 1979.
26. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.

27. Менджерицкая Е.О. Когнитивные аспекты изучения синтаксиса художественной литературы.// Лингвистика на исходе XX века. Итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции. Т.1.- М.: Изд-во МГУ, 1995.
28. Минский М. Фреймы для представления знаний.- М.: «Энергия», 1979.
29. Новое в заруб. лингв. Вып. 27: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
30. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста.- М.: «Прогресс», 1979.
31. Новое в зарубежной лингвистике., Вып 16. Лингвистическая прагматика.- М.: «Прогресс», 1985.
32. Павиленис Р.И. Проблемы смысла. М.: «Мысль», 1983.
33. Почепцов Г.Г. Дискурсивный и композитный уровни лингвистического анализа текста.// Лингвистика текста. Ч.2.- М., 1974.
34. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста.- Л.: Наука. Лен. отд., 1983.
35. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию.- М.: «Высшая Школа», 1990.
36. Рождественский Ю.В. Теория риторики. <http://www.nature.ru/db/msg.html>, 1997
37. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
38. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы.- Калинин, 1988.
39. Тураева З.Я. Лингвистика текста.- М.: «Высшая Школа», 1986.
40. Фридман Л.Г. Грамматические проблемы лингвистики текста: Автореф. дис... док. филол. наук.- Л., 1979
41. Чаковская М.С. Текст как сообщение и воздействие.- М.: Высш. шк.,1986.
42. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.-Волгоград, 2000.
43. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Проблемы семантики.- М., 1974.- С. 152-198.
44. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000.
45. Beaugrande, R. de . Text, Discourse, and Process. Toward a Multidisciplinary Science of Text. London and N.Y.: Longman Alex Publishing Corporation, 1980.
46. Bialostosky D. Dialogics As An Art Of Discourse In Literary Criticism // PMLA.- 1986., No. 5.
47. Coulthard M. An Introduction To Discourse Analysis., N-Y., 1995.
48. Hatim B., Mason I. Discourse And The Translator. Longman, L., N-Y., 1993.
49. Sebeok T.A.(ed.) Encyclopedic Dictionary Of Semiotics. Oxford, Oxford University Press, 1986.
50. The Encyclopaedia of Language and Linguistics. R.E. Asher (ed.) Oxford, New York, Seoul, Tokio: Pergamon Press. 1994.

